

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вып. 3 (XVII в.)

Часть 4

Т—Я

Дополнения

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2004

ра архистратига Михаила, об обстоятельствах, при которых ее принес из Москвы Макарий. В заключительной части своего произведения М. сообщает о судьбе трех основателей Крестомаровской пустыни — Матфея, Макария и Илария. Матфей, говорится в Повести, ушел из пустыни и поселился в десяти поприщах от Макарьевского Желтоводского монастыря, Макарий был поставлен архимандритом Астраханского Благовещенского монастыря, Иларий же, служивший в пустыни пономарем, в ней и скончался. Завершает Повесть своеобразный *Post Scriptum*, в котором упоминаются события более позднего времени, между прочим, моровое поветрие 1653 г. и строительная деятельность Павла Моравского — обо всем этом подробно, говорит М., «инии да поведают».

Повесть о создании Крестомаровской пустыни сохранилась в единственном списке в сборнике последней четверти XVII в. ГПБ, Q.XVII.66, л. 146—156 об. Не лишенная некоторых литературных достоинств, она представляет интерес, главным образом, как источник для истории Нижегородского края. В тексте Повести, при всем желании, нельзя усмотреть, как то делает А. П. Богданов, возрождение идей нестяжателей XVI в. Сочинение М. не стало до сих пор объектом специального исследования.

Изд.: Повесть о создании Крестомаровской общежительной пустыни / Изд. Н. Демидов. М., 1889.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 816; 1813. Ч. 5. С. 54; Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей в Нижегородской губернии. СПб., 1857. С. 375. (Записки имп. Археологического общества, т. 10); Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 622; Демидов Н. Исторический очерк Василь-Сурского уезда Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1884. С. 25—27; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Ч. 2. С. 190—191; Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 556—557; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. XI, 371, примеч. 7, 414, примеч. 2; Воронова Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 200. («Археография и источниковедение Сибири»); Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 93—94; Богданов А. П. 1) Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6, ч. 1. С. 181—182; 2) От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 52—56.

Д. М. Булагин, Д. Р. Ерофеев

Макарий Вуколов (1-я пол. XVII в.) — житель починка Филино Бушневской волости Галичского уезда, автор Сказания о иконе Богоматери Казанской в Бушневской волости. Биография М. В. почти не известна. Источником для ее реконструкции служит связанное со Сказанием Предание о явлении чудотворной иконы Казанской Бого-

матери в Бушневской волости, рукопись которого в конце XIX в. хранилась «у одного благочестивого старца» в приходе села Бушнева. Сохранилось изложение этого Предания, опубликованное в 1892 г. в кн. «Бушнево и его церкви» и недавно воспроизведенное протоиереем В. Ратьковым на страницах журнала «Благовест». Предание относится ко времени более позднему, нежели Сказание (в нем сообщается о пострижении М. В., его смерти и погребении в Карпищевой пустыни); вероятнее всего, оно было составлено с целью дополнить сочинение М. В. По содержанию оно не совпадает со Сказанием и включает отсутствующие в последнем сведения. Так, духовным отцом М. В. назван в Предании священник Петр Лаврентьев, тогда как, согласно Сказанию, им был священник Тимофей.

Имя автора Сказания — одно из самых распространенных крестьянских имен Галицкого уезда, его популярность связана с почитанием преподобного Макария Желтоводского и Унженского (ср. *Житие Макария Желтоводского и Унженского*). Напротив, имя отца М. В. Вукол для этих мест крайне редко. С полной определенностью можно сказать, что ни Макарий, ни его отец не были уроженцами Бушневской волости, поскольку в переписной книге помещенных земель Галицкого уезда, в том числе Бушневской волости, 1626/1627 г. (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 94) этих имен нет. После основания монастыря на месте явления чудотворного образа М. В. постригся в монахи и через некоторое время умер. М. В. был крестьянином не очень зажиточным, но и не бедным. Согласно Преданию, имеющихся у него средств оказалось достаточно, чтобы отправиться в Нижний Новгород и «выменять» там явленную икону. Но на то, чтобы купить сруб для церкви, которую предстояло возвести, М. В. денег уже не хватило.

Рассказ о обретении чудотворного образа ведется в Сказании от первого лица, причем создается впечатление, что запись была сделана по свежим следам, с указанием точных дат явлений Богоматери. Автор Сказания — человек грамотный, но он не был профессиональным книжником. М. В. не всегда соблюдает литературный этикет. В большинстве сказаний о явлениях чудотворных икон автор, соблюдая этикету, либо вовсе не обнаруживает себя, либо выступает свидетелем свершившегося с кем-то иным чуда (Власов А. Н. Сказания о чудотворных иконах Устюжского края XVI—XVII вв. // *Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования*. СПб., 1994. С. 224). Между тем, М. В. является и свидетелем чуда, и автором Сказания, и его главным действующим лицом. До конца выдержать эту роль составителю Сказания не удается: в кульминационный момент он начинает говорить о себе в третьем лице. Сказание не отличается изяществом стиля. Чувствуется, что только экстраординарность ситуации побудила автора взяться за перо: первое его литературное произведение оказалось и последним.

Вместе с тем, нельзя не признать за автором Сказания определенной начитанности. Отдельные его эпизоды обнаруживают знакомство М. В. не только со Священным писанием и житийной литературой (так, можно указать на параллели между Сказанием и *Житием Паисия Галицкого*), но также с «Домостроем» (см. *Сильвестр*) и *Стоглавом*. Определенные параллели можно найти с опубликованным С. Смирновым Поучением отца духовного к детям духовным, которое известно в рукописной традиции с XVII в. (Смирнов С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. С. 235—240). Но еще больше совпадений обнаруживается с рассказом о явлении Спаса и Богоматери Тихвинской некоей Фекле в 1641 г., рассказом, который входит в *Чудеса о иконе Спаса Нерукотворного на Красном Бору*, но который довольно рано начал отделяться из этого последнего произведения. Данный текст М. В. не только хорошо знал, но и использовал при литературной обработке своих видений. Следует отметить и параллели между Сказанием и духовной поэзией. В частности, по композиции и идеям оно чрезвычайно близко к стиху «Святая пятница», записанному П. И. Якушкиным (Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI—XIX вв. М., 1991. С. 209).

Единственный список Сказания находится в составе сборника, хранящегося в ЦГАДА, ф. 181, № 605, л. 120—127 и датирующегося по водяным знакам концом 1660-х—нач. 1670-х гг. Протограф сборника, очевидно, был составлен в Москве. Датировать точнее этот протограф позволяет читающееся в сборнике на л. 283 об.—287 об. послание приказного дьяка Третьяка Васильева, во иночестве *Савватия*. Послание датировано 16 ноября, причем в нем упоминается князь Андрей Андреевич Голицын, служивший в 1637/1638 г. Тобольским воеводой и умерший 22 сентября 1638 г. ([Петров П. Н.] История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 1. С. 339). Следовательно, послание было написано не позднее 16 ноября 1637 г. Что касается Сказания, то оно было составлено в промежутке времени между 22 апреля 1642 г. (последнее явление Богоматери М. В.) и 6 мая 1643 г., когда к Галицкому воеводе Василию Грязному была направлена не упомянутая в Сказании царская грамота с предписанием «новой пустыни Карпищева старца Матвея с братьею от всяких чинов людей оберегать» (Холмогоровы В. И. и Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. I: Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей 1628—1710 и 1722—1746 гг. Кострома, 1895. С. 314).

Сказание — типичный для XVII в. образец представленного в нем жанра. Ближайшей к нему аналогией являются упомянутые Чудеса о иконе Спаса Нерукотворного на Красном Бору, старший пласт которых не только написан примерно в одно время со Ска-

занием М. В. (1641 г.), но и имеет с ним текстуальные совпадения (см.: [Щапов А. П.] Исторические очерки народного мирозерцания и суеврия (православного и старообрядческого) // ЖМНП. 1863. Ч. 117. С. 39—40). Сказание не получило широкого распространения, и подробности явления чудотворного образа к XIX в. изгладились из народной памяти. И. Беляев и Е. Поселянин отмечают лишь, что образ Богоматери Казанской, находящийся в церкви Бушнева, почитается местными жителями как чудотворный.

Лит.: Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по Духовному Ведомству. СПб., 1863. № 719. С. 206; Богоматерь: Полное иллюстрированное описание ее земной жизни и посвященных ее имени чудотворных икон / Под ред. Е. Поселянина. М., 1909. С. 446; Бушнево и его церкви. М., 1892; Ратков В., протоиерей. Былос // Благовест / Изд. Костромской епархии. 1995. № 1 (21). Апрель—май. С. 9—10.

А. Г. Авдеев

Мартирий (ум. 1664) — священноинок Соловецкого монастыря, келейный старец *Епифания*, будущего духовника протопопа *Аввакума*, предположительно один из авторов повестей о обретении мощей митрополита *Филиппа II* в 1646 г. и об *Арсении Греке*. Самые ранние сведения о М. относятся к 1641 г., когда он, в немощи, «принял схиму без епитрахили». Принимая во внимание то, что в Соловецком монастыре «черными попы скудно», Новгородский митрополит *Аффоний* благословил посхимившегося священника М. продолжать иерейскую службу. В мае 1646 г., когда в Соловецком монастыре были обретены мощи святителя Филиппа, погребенные под папертью церкви соловецких чудотворцев, черному попу М. было поручено вынуть святые мощи из гробницы, омыть их и освидетельствовать, о чем он сам рассказал впоследствии соловецкому писателю *Сергию Шелонину* (см. составленную последним «Записку об обретении и перенесении мощей митрополита Филиппа»). В 1649—1651 гг. М. был духовником ссыльного старца *Арсения Грека*. В 1650 г. он привез из Соловецкого монастыря к вновь назначенному на Новгородскую кафедру митрополиту (будущему патриарху) *Никону* 21 ставленную грамоту соловецких попов и диаконов для того, чтобы Новгородский владыка «подписал их на свое имя». Вклады его, среди которых особенно много икон, записаны во вкладной книге Соловецкого монастыря под 1649—1653 гг. (ЛОИИ, колл. 2, оп. 1, № 152, л. 331 об.).

Учениками М. были инок Епифаний (в 1652—1657 гг.) и бывший государев сокольник старец Александр Стукалов (принял постриг в 1656 г.). Священноинок, несомненно, оказал огромное влияние на духовное формирование своих учеников. Он, в частности, обучил их келейному правилу, о чем инок Епифаний подробно рас-